

На правах рукописи

Сухов Николай Вадимович

История гуманитарных связей и межкультурного взаимодействия
Марокко и России в XX – начале XXI вв.

Специальность 07.00.03 –
Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва - 2014

Диссертация выполнена
в Центре изучения стран Северной Африки и Африканского Рога
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института Африки РАН.

Научный руководитель:

Крылова Наталия Леонидовна,
доктор исторических наук,

Официальные оппоненты:

**Беляков Владимир
Владимирович,**
доктор исторических наук,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Востоковедения Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник;

Кириллина Светлана Алексеевна,
доктор исторических наук,
профессор,
Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В.Ломоносова.

Ведущая организация: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Защита состоится «11» февраля 2014 года в 12:00 часов на заседании Диссертационного совета Д 002.030.02 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт Африки Российской академии наук по адресу: 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1, конференц-зал Института.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт Африки Российской академии наук.

Автореферат разослан «10» января 2014 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат политических наук

Усачева В.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

Марокко является одной из ключевых стран Африканского континента, роль которого в мировой политике и экономике ощутимо возрастает с начала XXI века. В этой стране на протяжении определенного исторического отрезка сформировалась часть того, что принято сегодня называть «Русским миром». Это сообщество русскоязычных людей, находясь в постоянном гуманитарном контакте с населением Северной Африки, оказывало и продолжает оказывать существенное влияние на формирование образа России и россиянина в регионе.

Актуальность изучения эмиграции наших соотечественников в Марокко обусловлена тем обстоятельством, что в течение всего XX в. и в начале XXI в. она была представлена несколькими достаточно многочисленными группами. К первой относятся беженцы, покинувшие пределы России в период после 1917 года. История жизни этих людей, проблемы аккультурации, совмещения в их индивидуальном и общественном сознании ценностей исходной и новой культур, получившие преломление в судьбах их детей и внуков, могли бы лечь в основу самостоятельного исследования, обогатив тем самым наше знание о жизни наших соотечественников на Африканском континенте.

Марокко после второй мировой войны стало прибежищем ещё одной численно заметной группы выходцев из императорской России и СССР, состоявшей из военнопленных, сражавшихся против Красной армии в составе «Русской освободительной армии», «Русского корпуса» и других соединений, а также гражданских лиц, как угнанных фашистами с территории СССР, так и добровольно покинувшими её вместе с отступающими частями вермахта.

Современное русскоязычное сообщество в Марокко (как и в большинстве стран Африканского континента) является результатом добровольной эмиграции с ярко выраженным гендерным характером, возникшей вследствие глобального социально-образовательного проекта, проводившегося Советским Союзом начиная с 1960-х гг. Процесс создания смешанных русско-марокканских браков продолжается и в наши дни, став фактором, стимулирующим гуманитарные контакты и создающим новый уровень российско-марокканского межкультурного взаимодействия.

История российской общины в Марокко – значимой, важной части русской эмиграции в XX веке — является на данный момент малоисследованной темой.

Наибольший **научный и практический интерес** для изучения сегодня представляет группа, которая в основном состоит из лиц, прибывших и продолжающих прибывать на постоянное место жительства в Марокко в последние десятилетия. Это – весьма своеобразная категория соотечественников, которая в структуре «русского зарубежья» в принятом

смысле этого словосочетания занимает особое положение, по некоторым чертам и признакам сближаясь с ним, но вместе с тем во многом от него отличающаяся. Именно эти «русские» играют в наши дни роль проводника гуманитарного влияния России в Марокко, представляя собой один из главных компонентов российской «мягкой силы» в этой стране.¹

Изучение особенностей существования современного русскоязычного сообщества в арабо-мусульманской стране весьма важно, по мнению автора, в контексте дальнейшего развития гуманитарных и межкультурных связей России со странами Африки и Ближнего Востока.

Таким образом, необходимость более глубокого **теоретического** осмысления такого специфического направления, как эмиграция из России в Африку, частным случаем которой является русскоязычная община в Марокко, определяет актуальность обращения к исследованию ее имманентного содержания и сущности, современного состояния и тенденций эволюции.

Объектом исследования является русская/русскоязычная община в Марокко в качестве фактора российско-марокканских гуманитарных и межкультурных связей.

Предметом исследования являются процессы формирования русской общины в Марокко в исторической динамике, её основные составляющие, проблемы адаптации и интеграции эмигрантов из России/СССР, возникновение и деятельность их организационных структур, их роль в развитии гуманитарных связей России и Марокко в соответствии с существующей классификацией.²

Основная цель данной работы заключается в анализе роли и места эмиграции из России в Марокко в развитии межкультурного взаимодействия двух стран, а также в изучении российско-марокканских гуманитарных контактов.

Для достижения указанных целей автор поставил перед собой следующие задачи:

- ✓ определить хронологию, причины и источники формирования в Марокко русской эмигрантской общины, а затем — современного русскоязычного сообщества, выяснить их социальный и профессиональный состав, демографические характеристики и гендерные особенности;

¹ Мягкая сила – термин, введенный в современный политический лексикон профессором Гарвардского Университета Джозефом Найем в его книге *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power* (1990 г.). Впоследствии он развил данное понятие в книге *Soft Power: The Means to Success in World Politics* (2004 г.); Указ Президента России № 605 от 7 мая 2012 г. «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации».

² Концепция и понятийный аппарат гуманитарных связей в качестве инструмента для анализа межкультурного взаимодействия разработаны д.и.н. В.В.Беляковым в диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук: В.В.Беляков, *Роль гуманитарных связей в межкультурном взаимодействии России и Египта (конец XIX – середина XX века)*, М., 2007, с. 19 – 47.

- ✓ описать и проанализировать виды профессиональной и общественной деятельности эмигрантов из России/СССР, способствовавшие их интеграции в принимающем обществе;
- ✓ изучить опыт самоорганизации, сохранения родного языка и культурной самобытности всех трех волн российской эмиграции в условиях сложного, многосоставного принимающего общества в Марокко, рассмотреть характерные особенности этого общества;³
- ✓ составить картину взаимного восприятия россиян и марокканцев на протяжении большого исторического отрезка (с XVIII в. до наших дней), как фактора адаптации современных эмигрантов из России в Марокко во второй половине XX в. – начале XXI в.;
- ✓ проследить историю межкультурного взаимодействия России и Марокко как результата российско-марокканских гуманитарных связей, возникавших преимущественно в процессе временной и постоянной эмиграции из России в Марокко.

Хронологические рамки диссертации охватывают период с начала XX в. (10-е гг. XX в.) по 2012 г. При этом основное внимание уделено современности (середина 1960-х гг. – 2012 г.), что продиктовано необходимостью поставить и решить ряд **практических вопросов** российско-марокканского гуманитарного взаимодействия. Периодизация исследования базируется на анализе динамики эмиграции из России/СССР в Марокко в рассматриваемый период.

В основу методологии исследования положен принцип историзма, определяющий изучение поставленных проблем в развитии и взаимодействии, позволяющий установить связи настоящего с прошлым, прогнозировать будущее. Поскольку в настоящей работе речь идет о межкультурном, межцивилизационном взаимодействии, значимыми методологическими основами в ней стали цивилизационный и социально-культурный подходы. Необходимость комплексного анализа достаточно широкой проблематики, связанной с российской эмиграцией, с отношениями между Россией/СССР и Марокко в их динамике, потребовала использования системного подхода к исследованию. Специфика исторического материала и невозможность ограничить работу заданными географическими и хронологическими рамками обусловили применение метода логического построения исследования, а также историко-сопоставительного метода, позволившего, на наш взгляд, осуществить многосторонний и достаточно глубокий анализ.

Отсутствие в современном научном обороте или недостаточность данных, необходимых для осуществления поставленных целей и задач, продиктовали выбор диссертанта в пользу метода собственных полевых исследований, который в значительной степени обеспечил материалы для написания настоящей работы.

³ Население Марокко является весьма неоднородным, в нем сосуществуют ярко выраженные берберская, арабо-мусульманская и франко-испанская компоненты.

Историография собственно российской общины в Марокко насчитывает всего несколько работ; большинство исследований (книг и статей) лишь косвенно затрагивает эту тему. Не существует обобщающих трудов ни по данной теме в целом, ни по одному из вопросов, поставленных в диссертации. К конкретной проблематике российско-марокканских гуманитарных связей не приступал ещё ни один исследователь.

Тема межкультурного взаимодействия России и Марокко затронута в книге Т.Л. Мусатовой, которая описывает весь спектр двусторонних отношений с конца XVIII до начала XX вв., опираясь на записки русских путешественников, дипломатическую переписку, другие официальные документы, хранящиеся в российских архивах.⁴ Аналогичный характер носит сборник документов и материалов под редакцией Н.П. Подгорновой.⁵

Тема российской эмиграции в Северной Африке, охватывающая проблематику, характерную и для Марокко, в определенной степени раскрыта в статьях А.Б.Летнева.⁶ Вопросы институционализации и деятельности российской общины в Марокко, как одного из центров эмиграции из России в Африку, изучались в общем контексте диссертационной работы В.И.Рябовой.⁷

Отдельно следует отметить две работы о казачестве в эмиграции, в которых рассматриваются вопросы пребывания казаков в Алжире и Марокко, создание ими общественных организаций, их адаптации и репатриации.⁸

Совместный труд Г.Горячкина, Т.Гриценко и О.Фомина «Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920-39 гг.)», в котором раскрыта проблематика адаптации, а также культурной и общественной жизни эмигрантов, косвенно затрагивает и марокканскую тематику.⁹

Большую работу в исследовании российской эмиграции в Африку провел Институт Африки РАН. Был выпущен сборник «Российская диаспора в Африке», где сделана попытка, возможно впервые в российской историографии, обобщить современные научные знания о российских общинах в странах Африки. В сборнике опубликована статья Ю.В.Луконина, в которой он затронул темы эмигрантской общины в Марокко, службы российских военных во французском Иностранном легионе на территории этой страны.¹⁰ Статья базируется преимущественно на литературных

⁴ Мусатова, Т.Л.: Россия-Марокко: далекое и близкое прошлое. М., 1990.

⁵ Россия-Марокко. История связей двух стран. В документах и материалах (1777-1916). М., 1999.

⁶ Летнев, А.Б.: Алжирская одиссея (из истории Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте).// Африка глазами современников и историков. М., 1998; Летнев, А.Б.: Колониальный вариант адаптации: российская диаспора в странах Африки. Попытки организации (1920 - 1940-е гг.)// Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX — XX в.). М., 1998.

⁷ Рябова, В.И. Российская эмиграция в Африке в 1920-1945 гг. (Институционализация и деятельность), Диссертационная работа на соискание ученой степени канд. ист. наук: 07.00.02, Москва, 2005. (В.И. Рябова. Российская эмиграция в Африке в 1920-1945 гг. М., 2005).

⁸ Ратушняк, О.В.: Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920-1939 гг.). Краснодар. 1997; Худобородов, А.Л.: Вдали от Родины: российские казаки в эмиграции. Челябинск. 1997.

⁹ Горячкин, Г.В.; Гриценко, Т.Г.; Фомин, О.И.: Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920 – 39 гг.). М., 2000.

¹⁰ Луконин, Ю.В.: Марокканские будни изгнанников.// Российская диаспора в Африке 20-50- годы. М., 2001.

источниках и воспоминаниях автора, что обусловило появление в ней некоторых неточностей, выявленных диссертантом.

В Институте Африки РАН был также подготовлен сборник исторических документов (путевых заметок, писем и т.п.), дающий разноплановую картину пребывания россиян на континенте, в том числе и в Марокко, в первой половине XX в.¹¹

Подробно о русских эмигрантах в рядах Иностранного легиона, испанского и французского, рассказывается во французской «Истории элитных войск», переведенной на русский язык, и работе С.Балмасова «Иностраннный легион».¹² Обе книги содержат факты и архивные документы, позволившие в сочетании с другими источниками проиллюстрировать ряд положений данного исследования. Определенный интерес в этом контексте представляет монография М.Пархомовского, в которой описана жизнь и деятельность Зиновия Пешкова, крестного сына А.М.Горького, прослужившего несколько лет в Иностранном легионе на территории Марокко.¹³

Судьбам поколений эмигрантов из России, прошедших на определенном этапе своей жизни через Марокко в 1920–1950-х годах, посвящены воспоминания, собранные Л.С.Флам, а также доклады Ирины фон Шлиппе, в которых, наряду с малоизвестными историческими фактами, содержатся интересные обобщения и выводы из опыта эмигрантской жизни россиян.¹⁴

Некоторые аспекты бытия наших соотечественников нашли отражение в материалах корреспондентов ИТАР-ТАСС. А.Еровченков посвятил несколько заметок семье Шереметевых, поселившейся в Марокко с 1929 г., К.Казеев писал о русской общине в этой стране, П.Мамед-заде освещал будни и праздники наших современниц-жен марокканцев.¹⁵

Некоторые вопросы истории и современного существования прихода Русской православной церкви отражены в статьях, написанных настоятелями Воскресенского храма в Рабате, служившими в нем в разные годы, и опубликованных в изданиях РПЦ. Несмотря на встречающиеся в этих текстах неточности, возникшие, вероятно, в силу некоторой изолированности священников от окружающего мусульманского общества, они дают определенное представление о важной стороне духовной и общественной

¹¹ Африка глазами эмигрантов: Россияне на континенте в первой половине XX века. М., 2002.

¹² Брюнон Ж., Маню Ж.: История элитных войск. Иностраннный легион. 1831–1955. М., 2003; Балмасов, С.: Иностраннный легион. М., 2004.

¹³ Пархомовский, М.А.: Сын России, генерал Франции: об удивительной жизни Зиновия Алексеевича Пешкова. М., 1989.

¹⁴ Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции: Очерки и воспоминания. / Ред.-сост. Л.С. Флам. – М.: Русский путь, 2006; Ирина фон Шлиппе, Кризис изгнания: поиски социальных и духовных решений в эмиграции.//Труды Епархиальной конференции Суражской епархии. 2004; Шлиппе, Ирина, фон: 27 стран в 27 лет – поиск стабильности. Москва. 24 сентября 2012 г.

¹⁵ Еровченков, А.: Шереметевы живут в Марокко.//Московская правда. 12 мая 2001 г.; Еровченков, А.: Последний поклон графине.//ИТАР-ТАСС; Мамед-заде, П.: Девушки из Касабланки. Эхо планеты. 01.12.2010; Мамед-заде, П.: В храме Успения Пресвятой Богородицы марокканского города Касабланка состоялось первое за более чем полвека богослужение, совершенное священником Русской Православной церкви.//ИТАР-ТАСС. 07.05.2010.

жизни российской общины в Марокко на протяжении XX в.¹⁶ Обобщающая характеристика отношения наших соотечественниц к религии и церкви сегодня в сравнении с эмигрантами первой и второй волн содержится в интервью бывшего настоятеля Воскресенского храма в Рабате о.Дмитрия (Орехова), опубликованном в 2010 г. на сайте московского Сретенского монастыря.¹⁷ Достаточно краткий раздел диссертационной работы священника Владимира Голубцова также посвящен деятельности православных приходов РПЦ и РПЦЗ в Марокко в период после второй мировой войны.¹⁸

В диссертационной работе В.Е.Колупаева и его последующих публикациях была впервые сделана попытка проследить историю российской общины в Марокко на протяжении XX в.¹⁹ Имея непосредственный доступ к архивным документам Воскресенского храма в Рабате, В.Е.Колупаев, однако, ограничился использованием литературных источников и мемуаров, составленных через десятилетия после описываемых событий, что неизбежно привело к многим неточностям и фактическим ошибкам, выявленным диссертантом в ходе собственного исследования. За рамками рассматриваемого труда остались ключевые вопросы истории российской общины в Марокко, поставленные в настоящей диссертационной работе.

В отдельный историографический блок целесообразно, по мнению автора, выделить работы Н.Л.Крыловой. Исследование, посвященное проблемам адаптации «русских» женщин в Африке, во-первых, существенным образом затрагивает Марокко, во-вторых, написано на материале 1980-х – середины 1990-х гг., что позволило осуществить сравнительный анализ данных, собранных диссертантом во второй половине 2000-х гг. и, таким образом, проследить динамику современного русскоязычного сообщества в этой стране.²⁰ Здесь же следует упомянуть статьи, посвященные женской эмиграции в страны Африки и конфессиональному аспекту российской

¹⁶ Митрофан, игумен: Православный приход в г. Курига (Марокко)//Журнал Московской Патриархии. 1948, № 4; Захаров, Н., протоиерей: Воскресенский приход Московского патриархата в Марокко// Журнал Московской патриархии. 1978, № 4; Героев, Г., протоиерей: Русский очаг в Марокко// Церковный вестник. Официальное издание Русской Православной Церкви. 2002, № 14-15 (243-244); Бовкало, А.А.: Православные приходы в Африке. //Азия и Африка сегодня. 2003, № 1.

¹⁷ О. Дмитрий (Орехов) – в настоящее время настоятель православного храма в Гаване (Куба). «Жизнь русской патриаршей общины в Рабате горит негасимым огнем». Беседа с настоятелем храма Воскресения Христова в 2008 – 2011 гг. в г. Рабате (Марокко) священником Дмитрием Ореховым. Опубликовано на сайте: www.pravoslavie.ru/guest/41745.htm#_ftn2

¹⁸ Священник Владимир Голубцов: Русская православная диаспора во второй половине XX века. Диссертация на соискание степени кандидата богословия. Сергиев Посад, 2000.

¹⁹ Колупаев, В.Е.: Русские в Северной Африке (1920-1998 гг.). Автореферат диссертации канд. ист. наук, М., 1998; Колупаев, В.Е.: Русские в Магрибе: К 100-летию установлению российско-марокканских отношений//Русская мысль. Париж. 1998, № 4238; Колупаев, В.Е.: Русские в Северной Африке. Обнинск. 2004; Колупаев, В.Е.: Русские в Магрибе. М., 2009.

²⁰ Крылова, Н.Л.: Русские женщины в Африке. Проблемы адаптации. М., 1996; она же: Афро-россияне: брак, семья, судба. М., 2006 и др.

миграции на континенте.²¹ Работая в сотрудничестве с диссертантом в последние годы над «марокканским» материалом, Н.Л.Крылова опубликовала монографию и ряд статей, затрагивающих широкий спектр проблем адаптации и интеграции в Марокко эмигрантов всех трех волн.²²

Существующая на данный момент историография российской эмиграции в Марокко, не позволяет, по мнению автора, подготовить исследование обобщающего характера. Для достижения поставленных задач был проведен анализ материалов, собранных диссертантом **методом полевого исследования на территории Марокко**. На протяжении семи лет (2005 – 2012 гг.) велось также изучение современной русскоязычной общины в Марокко методами анкетирования, включенного наблюдения²³, нарративного биографического интервью²⁴, анализа эго-документов.²⁵ Указанные методы определили во многом состав и характер **источников**, использованных при подготовке диссертации.

Первую группу таких источников составляют **неопубликованные архивные материалы**, полученные автором из Успенского храма в Касабланке и Воскресенского храма в Рабате.²⁶ В данном исследовании широко использовались уставные документы ассоциаций, созданных эмигрантами, списки членов прихода за разные годы, переписка старосты прихода с иерархами РПЦЗ в Европе и США, французскими, а после обретения страной независимости – марокканскими властями, прихожанами, как разбросанными по всему Марокко, так и покинувшими эту страну. С их помощью были установлены факты и подробности самоорганизации российских эмигрантов в разные периоды, выявлены ранее неизвестные детали истории православной общины в Марокко в период с окончания второй мировой войны до середины 1980-х гг., выяснены вопросы взаимодействия с местными властями и международными организациями помощи беженцам. Большое значение для установления личностей и судеб эмигрантов первой и

²¹ Крылова, Н.Л.: Русские женщины в Африке: веки присутствия; она же: Русские в Африке. Конфессиональный аспект.//Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. М., 2001, с. 211-221.

²² Крылова, Н.Л.: Единение музыкой (из марокканской истории русского хора). Восточный архив. №2 (22), 2010; она же: «Африканская» ветвь Шереметевых: «Мы были маргиналы всех обществ»//Азия и Африка сегодня. № 1, Январь 2011, С. 42-48; Крылова, Н.Л.; Сухов, Н.В.: Учитель и Ученик в «русской» Африке.//Русский век. 2011. № 8, с. 70-71; Крылова, Н.Л.; Сухов, Н.В.: Учить и учиться быть русскими. //Азия и Африка сегодня. 2012. № 3, с. 53-55; Крылова, Н.Л.; Прожогина, С.В.: Путь к себе (проблема самосохранения в процессах пересечения Востока и Запада). М., 2013, с.125 – 163.

²³ Метод включенного наблюдения дает возможность непосредственно наблюдать процессы социального взаимодействия в их естественном виде. Метод является оптимальным для исследования социальных ролей объектов и формальных организаций.//Подробнее см.: Белановский, С.А.: Метод фокус-групп. М. 1996.

²⁴ Метод нарративного интервью активно используется при проведении современных исторических и социальных исследований. См., например: Журавлев, В.Ф.: Нарративное интервью в биографических исследованиях. // Социология: 4 М, 1993-4, N 3-4, с. 34 – 43.

²⁵ Эго-документы — биографии, мемуары, дневники и письма.//Пушкарева Н.Л., История повседневности и частной жизни глазами историка.// Социальная история, 2003, М., 2003.

²⁶ Документы, обнаруженные в Успенском храме в Касабланке в 2010 г., были изъяты диссертантом с благословения единственного на территории Марокко русского православного священника о. Димитрия и затем переданы в дар Дому русского зарубежья им. А.Солженицына.

второй волн имеют их личные письма, свидетельства о рождении, крещении и смерти, местах захоронений на христианских кладбищах Марокко. Отдельно следует выделить письма и вырезки из газет, проливающие свет на внутриобщинный конфликт, возникший в 1946 г. в связи с переходом рабатского прихода в юрисдикцию Московской Патриархии, который влиял на жизнь российской эмиграции в Марокко на протяжении десятилетий и отголоски которого ощущает до сих пор современное русскоязычное сообщество в этой стране. Также был получен доступ к копиям документов Успенского и Воскресенского храмов, присланным в 2012 г. из архива Архиерейского синода Русской Православной церкви за рубежом (Нью-Йорк) и Западноевропейского епископата РПЦЗ (Женева) настоятелю Воскресенского храма в Рабате игумену Максиму Массалитину, который любезно передал их диссертанту. Массив этих материалов позволяет восстановить многогранную картину общественной жизни российской эмиграции в Марокко с 1948 по 1985 гг.

Материалы из архивов православных храмов в Касабланке и Рабате, помогли установить места проживания «русских» в Марокко, получить представление об их материальном и социальном положении на примере нескольких сотен человек.

Автор также изучил захоронения эмигрантов из России на христианских кладбищах Касабланки и Рабата. Благодаря этому были уточнены имена и даты жизни некоторых россиян, которые были искажены в архивных материалах храмов и в работах современных историков. Неоценимую помощь исследованию оказал вице-консул Генерального консульства России в Касабланке Павел Снитко, который собрал информацию о значительном числе захороненных на кладбище Бен М'Сик соотечественников и передал её диссертанту лично в 2006 г.

Следующую группу источников, полученных в процессе полевого исследования, составляют нарративные интервью. Диссертант записал в 2007 – 2012 гг. несколько интервью с П.П.Шереметевой,²⁷ в которых она осветила широкий круг вопросов, связанных с историей эмиграции первой и второй волн из России в Марокко. Были записаны аудио- и видео-интервью с Н.А.эль-Кинани (Кулаковой), наполненные фактическими данными о представителях первой и второй волн эмиграции, похороненных на

²⁷ Шереметева Прасковья Петровна, графиня. Род. 03.12.1933 г. в Кенитре (Марокко). Гражданка Франции. Родители – Шереметевы Петр Петрович и Марина Дмитриевна, урожденная Левшина. В замужестве – де Мазьер де Шамбон. Деятель культуры, литератор. Всю жизнь живет в Марокко. В 1971 г. создала в Рабате первую в Марокко галерею работ художников из Марокко и всего арабо-исламского мира. За 20 лет существования (до 1992 г.) галерея провела 95 выставок. С 2002 г. собирает архивные материалы о жизни и деятельности русской эмиграции в Марокко. Опубликовала в Танжере на французском языке четыре рассказа из истории русских в Марокко: «Ганцелевич» (2010), «Няни» (2010), «Мадам Джебли» (2011), «Устиновка» (2012) (Pauline de Mazières (Prascovia Chérémeteff). Histoires de Russes au Maroc. Tangier. 2010-2012). Предоставила информационные материалы составителям «Биографического словаря: Российское зарубежье во Франции. 1919–2000». Сестра Петра Петровича Шереметева – председателя МСРС.

христианском кладбище Рабата, а также содержащие информацию о начале современной волны эмиграции из СССР/России во второй половине 1960-х гг.

Методом нарративного интервью диссертант воспользовался и для изучения современного русскоязычного сообщества. Многочисленные интервью с соотечественниками были зафиксированы диссертантом по их окончании в виде заметок. Таким образом, удалось расширить базу исследования за счет «устных историй», которые являются, по мнению автора, не просто сбором фактов, а созданием нового вида эмпирического материала, когда сведенный воедино он образует так называемый «вторичный источник».²⁸

Еще одна группа источников — так называемые **эго-документы** — дневники и письма, как архивные, так и размещенные **в сети Интернет**. Следует отметить, что за последнее десятилетие соотечественники в арабских странах, в том числе и в Марокко, благодаря проникновению «мировой паутины» в самые отдаленные уголки Ближнего Востока и Северной Африки создали не только официальные сайты своих организаций или личные сайты, но и активно участвуют в различных Интернет-форумах.²⁹ Именно они позволяют понять россиянина и его поступки в той или иной ситуации, выяснить, что отличает его повседневность в чужой стране и культурной среде от жизни и поведения в тех же обстоятельствах на родине. Обилие и разнообразие эго-материалов, размещенных в Интернете, обусловило обращение к ним при написании второй и третьей глав диссертации в той степени, в какой они соответствуют информации, полученной автором **методом включенного наблюдения**. В рамках своей деятельности на посту директора Российского центра науки и культуры в Марокко в 2005 – 2012 гг. диссертант вел наблюдения, как за персональным, так и групповым поведением соотечественников, сопоставляя тексты эго-документов, интервью и анкет с информацией о контексте их написания (возрасте, семейном и социальном положении, занятости, психологическом состоянии и т.п.). Синтез собранных и проанализированных данных дал возможность изучить взаимосвязь между образом жизни соотечественников в иной культурной среде и трансформациями их ментальности, эволюцией их социальной психологии. В качестве другого способа получить данные о современной русскоязычной общине в Марокко было использовано **анкетирование**

²⁸ Концепция нарративного интервью для исследования устной истории разработана и получила широкое применение в Германии и России. См., например: Оболенская, С.В.: «История повседневности» в современной историографии ФРГ.//Одиссей: Человек в истории. М., 1990; Людтке, А.: Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии.// Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999; Пушкарева, Н.Л.: История повседневности и частной жизни глазами историка.//Социальная история — 2003. М., 2003.

²⁹ Уровень охвата населения Марокко Интернетом составляет 49%. Для сравнения: в Тунисе – 36,8%, в Египте – 26,7%, в Ливии – 14%, в Алжире – 12,5%//См.: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/4f4cc9833f.html>

соотечественников, проживающих в разных городах страны.³⁰ Опрос проводился в течение 2007 – 2011 гг. и позволил собрать большой массив данных, необходимых для анализа демографического, социального и профессионального состава контингента соотечественников, доступного для исследования. Аналогичная информация была получена при изучении **материалов консульского отдела посольства России в Рабате** с любезного согласия его руководства. Она позволила осуществить перекрестную проверку данных анкет и интервью, уточнить демографические показатели российской общины, профессиональный состав соотечественников, проживающих в Марокко. К группе **неопубликованных источников** относится и большинство материалов конференций и круглых столов, проведенных соотечественниками при участии РЦНК в Марокко, а также уставные документы их организаций. Только немногие из них стали доступны в сети Интернет.

Третья группа источников – **опубликованные документы и мемуары**. Здесь следует отметить воспоминания и письма россиян, проходивших службу в Иностранном легионе, которые хранятся в российских архивах, введенные в научный оборот С.Балмасовым.³¹ Не меньший интерес для исследования российско-марокканских гуманитарных связей представляет переписка Зиновия Пешкова, дослужившегося в Иностранном легионе до генерала, с его крестным отцом М.А.Горьким.³² Полезным источником являются три брошюры карманного формата, в которых опубликованы на французском языке воспоминания П.П.Шереметевой о различных эпизодах истории российской эмигрантской общины в Марокко.³³

Единственными в своем роде — а потому очень важными — источниками являются разделы воспоминаний двух иерархов Русской православной церкви за границей, посвященные Марокко, первый из которых – митрополит Евлогий (Георгиевский)³⁴ – совершил поездку по местам расселения русских эмигрантов в этой стране в 1932 г., второй – епископ Митрофан (Зноско) – провел в Марокко более десяти лет (1948 – 1960 гг.).³⁵

³⁰ Вопросник, использованный для анкетирования, был составлен в Институте Африки РАН и применялся в разные годы исследователями в других странах.

³¹ Балмасов, С.: Иностраннный легион. М., 2004.

³² Горький и его корреспонденты. М., 2005, с. 285-292; Африка глазами эмигрантов: Россияне на континенте в первой половине XX века. М., 2002, с. 53-55.

³³ Pauline de Mazières. Histoire de Russes au Maroc, fragments I, II, III. Tanger. 2010, 2011.

³⁴ Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т.Манухиной. М., 1994.

³⁵ Митрофан (Зноско), Епископ: Хроника одной жизни. К 60-летию пастырского служения. Нью-Йорк. 1995.

Очерки русского журналиста Константина Парчевского, посетившего «русские углы» в Марокко во второй половине 1930-х гг., представляют несомненный интерес в качестве уникального источника подробностей жизни эмигрантов из России через пятнадцать лет после прибытия их первой группы по приглашению администрации французского протектората из Туниса.³⁶

К источникам относятся и **официальные документы правительства Марокко**, связанные с гражданско-правовым статусом российских соотечественников, постоянно проживающих в этой стране. Прежде всего, это – Уголовный и Семейный кодексы Марокко.³⁷

Данные об официальной регистрации ассоциаций россиян, созданных в Марокко до обретения независимости, а также о награждении легионеров русского происхождения с описанием их подвигов, а зачастую и гибели, содержатся в номерах Официального бюллетеня администрации протектората Французской Республики в Марокко за период с 1918 по 1936 гг.³⁸

Обстоятельства формирования русской общины в Марокко в начале 1920-х гг. освещаются в мемуарах членов Русской эскадры, прибывшей в порт Бизерты (Тунис) в конце 1920 г.³⁹ Ценные для данного исследования свидетельства современников вошли в сборник, составленный К.В.Махровым,⁴⁰ и содержатся в книге воспоминаний А.А.Ширинской.⁴¹

Восстановить различные аспекты жизни выходцев из России в Танжере помогли документы (частная переписка, списки православной общины, квитанции о переводе взносов на содержание прихода в Рабате), которые оказались в распоряжении автора диссертации во время его работы в Марокко.⁴² Большой интерес, на наш взгляд, представляют также воспоминания Филиппа Вейцмана, дающие представление о ситуации в международной зоне, об уже сложившейся на момент его прибытия в Танжер эмигрантской общине «первой» волны и о социально-политических процессах, сопутствующих «второй».⁴³

³⁶ Парчевский, К.К.: У рабатского самовара. // Вокруг Света. № 1 (2664). Январь 1996.

³⁷ Code pénal marocain. Rabat. 2008; Code de la Famille. Rabat, 2008.

³⁸ Bulletin Officiel de l'administration française au Maroc.

³⁹ Подробности морского перехода из Константинополя в Бизерту и состав Русской эскадры см.: Горячкин, Г.В.; Гриценко, Т.Г.; Фомин, О.И.: Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920 – 1939 гг.). М., 2000, с. 42 – 43; Ширинская, А.: Бизерта. Последняя стоянка. СПб. 2003, с. 340 – 341.

⁴⁰ Русская колония в Тунисе. 1920 – 2000. Сборник. Составитель К.В.Махров. Русский путь. М., 2008.

⁴¹ Ширинская, А.: Бизерта. Последняя стоянка. СПб. 2003.

⁴² Архивы Успенского храма в Касабланке и Воскресенского храма в Рабате. Фонд не описан. Не опубликовано.

⁴³ Вейцман, Ф.: Без отечества. История жизни русского еврея, Тель-Авив, 1981.

В процессе исследования на основании синтеза данных, полученных из разнообразных источников: документов из архивов Воскресенского и Успенского храмов, опубликованных и неопубликованных воспоминаний, изысканий краеведов в России, размещенных в Интернете, а также биографических словарей, составленных С.В.Волковым, и многих других,⁴⁴ диссертанту удалось проследить судьбы более 1000 человек, разными путями оказавшихся в Марокко в составе первой и второй волн эмиграции. Представляя собой одну из основ для анализа, выполненного в данной работе, эти биографии, возможно, станут предметом другого исследования.

Марокканские СМИ – пресса и телевидение – также явились полезным источником для оценки отношения современного марокканского общества к его русскоязычным членам, их организациям и деятельности, как показателя интеграции соотечественников в принимающей стране.

Научные работы по социологии, психологии, межкультурному взаимодействию, языкознанию и лингвистике оказали помощь в понимании и анализе вопросов, связанных с мотивацией вступления в смешанный брак, адаптацией и интеграцией эмигрантов, трансформацией менталитета в результате этих процессов, стали основой для объективного подхода при обработке эмпирического материала.⁴⁵

Научная новизна данной работы заключается в комплексном анализе российской эмиграции в Марокко, выполненном впервые в отечественной науке через призму истории гуманитарных контактов и межкультурного взаимодействия. Проблематика миграции из России в Марокко — тема, недостаточно изученная российскими учеными, при этом она не стала до сих пор предметом пристального научного интереса и зарубежных историков. В научный оборот введено большое количество ранее недоступных архивных материалов, а также неизвестных источников, часть которых (материалы полевых исследований) создана непосредственно автором. Впервые сделана попытка применить концепцию и понятийный аппарат гуманитарных связей, разработанные российским ученым д.и.н. В.В.Беляковым, в качестве инструмента для анализа объемного пласта исторических и современных документов, свидетельствующих о российско-марокканском межкультурном взаимодействии и не являвшихся ранее предметом изучения. Итогом проведенного исследования стали основные научные результаты, выносимые на защиту.

⁴⁴ Волков, С.В.: *Офицеры армейской кавалерии*. М., Русский путь. 2004; Волков, С.В.: *Офицеры флота и морского ведомства*. М., Русский путь. 2004; Волков, С.В.: *Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога*. М., Русский путь. 2002; *Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917 -1999 гг.* М., 1999.

⁴⁵ Например: Андреева, Г.М.: *Социальная психология*. М., 2001; Воронина, А.С.: *Трансформации моделей поведения в межкультурной коммуникации*.//Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, № 2 (42), 2009; Кикнадзе, Д.А.: *Потребности. Поведение. Воспитание*. М., 1968; Ломов, Б.Ф.: *Методологические и теоретические проблемы психологии*. М., 2008; Хрусталева, Н.С.: *Психология эмиграции (Соц.-психол. и личност. проблемы)*: Дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05. СПб, 1996 и другие.

Научно-практическая значимость работы определяется тем, что в ней одновременно подверглись исследованию актуальные проблемы, связанные с историей России в XX веке и её современностью. Специфика диссертации заключается в комплексном исследовании предпосылок, основных этапов и результатов миграции из России в Марокко и оценке имагологического влияния этого процесса на двусторонние отношения вовлеченных народов и стран. В работе показана взаимосвязь фактора продолжительных гуманитарных контактов между двумя народами с формированием позитивного образа представителей иной культуры, цивилизации. Заметная часть работы посвящена изучению марокканского законодательства в сфере регулирования вопросов миграции и гражданства. Факты, положения и выводы диссертации могут быть применены в практической деятельности государственными и общественными организациями России, осуществляющими деятельность по поддержке соотечественников, проживающих в арабских странах, а также участвующих в разработке миграционного законодательства и решении вопросов международного гуманитарного сотрудничества. Результаты исследования могут быть использованы для повышения эффективности государственной политики России в отношении соотечественников за рубежом.

Фактические материалы и теоретические положения работы могут использоваться для подготовки учебных пособий, лекционных курсов и семинарских занятий по истории и проблематике российско-марокканских отношений, новейшей истории России и стран Северной Африки, по курсам «Международные отношения» и «Культурология».

Апробация исследования.

Настоящая диссертация является результатом семилетней практической деятельности автора по поддержке соотечественников в Марокко и других арабских странах. Ряд положений и выводов диссертационного исследования опубликованы в десяти статьях и докладах соискателя. Основные положения работы были апробированы в ходе выступлений диссертанта на шести международных и российских конференциях в 2010 – 2013 гг., а также на заседании ученого совета Института Африки РАН в 2012 г.

Диссертационная работа была обсуждена на заседании Центра изучения стран Северной Африки и Африканского Рога Института Африки РАН и рекомендована к защите с последующей публикацией.

Структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, в котором дается обоснование актуальности исследования, его научной новизны, ставятся цели и задачи работы, описываются её источниковедческая, историографическая и методологическая базы; трех глав, в которых решаются поставленные задачи; Заключения, в котором подводятся итоги исследования, и Библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Первая глава «Начальные этапы установления гуманитарных связей и межкультурного взаимодействия Марокко и России» посвящена возникновению эмиграции из России в Марокко, формированию здесь русской общины, её социально-демографическим и профессиональным характеристикам, вопросам адаптации и взаимодействия эмигрантов с принимающим обществом. Широта и разнообразие затронутой проблематики обусловила деление первой главы на десять параграфов.

В **первом параграфе** описана история российско-марокканских отношений, разворачивавшаяся, как на официальном, так и на личностном уровнях, до начала 20-х гг. XX в., выделены яркие эпизоды межкультурного взаимодействия двух народов, сформировавших в своей совокупности позитивный образ России и «русского» у представителей всех вовлеченных в этот процесс категорий населения Марокко.

Второй параграф посвящен формированию российской общины «первой» волны в Марокко. Здесь показано разнообразие миграционных путей русских эмигрантов, конечным пунктом которых стала эта страна. В хронологических рамках «первой» волны были выделены два основных этапа: 1922 – 27 гг. и 30-е гг. В течение 1920-х годов Марокко постепенно становилось страной сравнительно компактного проживания выходцев из России. В ходе первого этапа происходило формирование и пополнение русской общины в Марокко во многом благодаря семейным, дружеским и корпоративным связям.

Второй этап «первой» волны переселения русских эмигрантов в Марокко совпал с мировым экономическим кризисом. С середины 1930-х к экономическому фактору добавился политический: гражданская война и приход к власти Франко в Испании, ужесточение фашистского режима в Италии. Из Европы вновь стали уезжать бывшие подданные многонациональной Российской империи: русские, украинцы, поляки, немцы, евреи.

Особым источником формирования русской общины в Марокко в первой половине XX века являлся Иностраннный легион. Этот аспект истории русской эмиграции раскрывается в **третьем параграфе** первой главы. Имеющиеся документальные свидетельства подтверждают важное для данного исследования обстоятельство – русские постоянно взаимодействовали с марокканцами в рамках своей воинской части, как в боях, так и в мирные периоды. Русские легионеры не были изолированы от эмигрантской общины, которая начала разрастаться в Марокко, начиная с 1922 г., о чем свидетельствуют факты их участия в религиозной и общественной жизни «русских марокканцев». Завязывались знакомства и полезные связи, которые впоследствии побудили их осесть в Марокко.

Численность, профессиональный состав и социально-демографические характеристики русской эмигрантской общины «первой волны» в Марокко рассматриваются в **четвертом параграфе** первой главы.

В силу совокупности географических, политических и экономических факторов формирование русской общины в Марокко, в отличие от европейских стран, заняло относительно продолжительный период (с 1922 по 1940 г.). Таким образом, невозможно говорить о численности русской общины, как о стабильной величине (оценки колеблются от 1700 до 30 000 человек).

С целью понимания процесса адаптации на новом месте и интеграции русских в колониальное европейское сообщество было выполнено сравнение исходного образования и профессиональных навыков эмигрантов с видами деятельности, которыми им пришлось заниматься в Марокко.

Поскольку в задачу настоящего исследования входит выяснение масштаба и форм гуманитарных связей между представителями русской эмиграции первой волны и местным коренным населением, автор уделяет внимание многочисленным повседневным контактам «русских» с марокканцами. Наиболее тесные гуманитарные контакты с местным населением поддерживали, в силу специфики своей деятельности, россияне, занятые на работе «в поле»: топографы, геологи, десятники на строительстве портов и прокладке дорог, строители, механики на железной дороге, инженеры и рабочие на фосфатных шахтах.

Вопрос выживания в эмиграции напрямую связан с формированием организационных структур – общин, землячеств, ассоциаций, клубов, в основе которых находится национальное, социальное и религиозное начала. Поэтому важным аспектом исследования, затронутым в **пятом параграфе**, стал процесс институализации русской эмигрантской общины в Марокко. Для большинства наших соотечественников, оказавшихся в эмиграции после революции и гражданской войны, универсальным объединяющим началом стало православие. В диссертации изложена история создания и функционирования православных приходов в ряде марокканских городов, где концентрировались эмигранты из России. Также отмечено значение членства в военных организациях для облегчения переезда в Марокко из Европы, адаптации и трудоустройства вновь прибывавших офицеров и членов их семей.

В **шестом параграфе**, посвященном участию русских эмигрантов, осевших в Марокко, во Второй мировой войне, отражены два аспекта: взаимодействие русских с марокканскими военнослужащими и патриотические настроения, изменившие изначально негативное отношение многих эмигрантов к Советскому Союзу. Для объективного анализа второй волны российской эмиграции важно представлять моральную атмосферу, преобладавшую в русской общине в Марокко в военные и послевоенные годы.

В седьмом параграфе рассмотрены вопросы и проблемы, связанные с формированием «второй волны» русской эмиграции в Марокко. Выявлено, что главным побудительным мотивом эмигрантов из России и Советского Союза к переезду из Европы в Марокко было стремление выжить. Обработка биографических данных эмигрантов второй волны в Марокко позволила сделать вывод, что 69 % из них, т.е. большинство, были эмигрантами первой волны, осевшими в странах, освобожденных Советским Союзом, и Восточной Германии, которые были вынуждены бежать от Красной Армии, присоединившись ко второй волне эмиграции, справедливо опасаясь репрессий.

Численность организованной русской эмиграции в Марокко можно оценить приблизительно в семьсот-восемьсот человек. При этом следует принимать во внимание данные, почерпнутые в мемуарах и архивных документах «неорганизованных» беженцев из Европы, свидетельствующие о том, что приток русских в Марокко после второй мировой войны превысил две тысячи человек.

Социальные и профессиональные характеристики, правовой статус русской эмигрантской общины второй волны в Марокко подвергнуты анализу в **восьмом параграфе**. Роль этого контингента в российско-марокканских гуманитарных и межкультурных связях было бы сложно оценить также без понимания его места в социальной структуре местного общества. Социальный состав второй волны эмиграции был неоднороден. Здесь было немало высокообразованных представителей инженерно-технических и творческих профессий.⁴⁶ В то же время было много людей со средним образованием, без особой квалификации, которым доставался низкооплачиваемый труд.

Пути и способы адаптации эмигрантов «второй волны» в Марокко прослежены в **девятом параграфе**.

Выживанию разных категорий эмигрантов, оказавшихся в Марокко после второй мировой войны в статусе беженцев, перемещенных лиц или апатридов, в значительной степени способствовала гуманитарная помощь международных и местных государственных организаций, которая продолжала поступать как минимум до начала 1970-х гг. Содействие в адаптации к жизни в африканской стране и в трудоустройстве основного контингента русских эмигрантов оказывала и администрация протектората. В то же время Мировой Еврейский Конгресс оказывал на территории Марокко финансовую поддержку эмигрантам-евреям из Советского Союза. Вместе с тем, выживание и адаптация второй русской эмиграционной волны в Марокко были бы крайне затруднены, а в некоторых случаях невозможны без содействия со стороны обосновавшихся в стране в предыдущие десятилетия эмигрантов первой волны.

⁴⁶ Данные получены диссертантом путем статистической обработки биографических сведений эмигрантов второй волны, извлеченных их архивных документов.

Эмигранты «второй» волны не могли бы решить проблему выживания, а затем воспитания и обучения подрастающего поколения без собственных организаций. Их объединяло стремление воспитать своих детей русскими, причем зачастую воинствующими антикоммунистами. Для этого кроме семейного воспитания и церкви в Марокко существовали молодежные русские организации, такие, как скауты, Витязи. Представители эмигрантской молодежи, выросшей уже на чужбине, входившие в марокканскую группу НТС,⁴⁷ уделяли большое внимание работе с русскими скаутами, состоявшими в ОРИОР.⁴⁸ Эта деятельность была обусловлена не столько любовью к детям, сколько сознанием того, что нельзя русской молодежи дать раствориться во французской среде. Одновременно в Марокко действовал отдел Национальной Организации Русских Разведчиков (НОРР).⁴⁹ Серьезную воспитательную роль играли церковный и светский хоры, которые регулярно гастролировали с концертами русской православной и светской музыки в разных городах Марокко.

Одним из наиболее значимых для решения задач, поставленных в данной работе, является **десятый параграф**, трактующий взаимоотношения эмигрантов «второй» волны с принимающим обществом.

Вторая волна эмиграции из России смогла создать себе доброе имя в Марокко. С учетом иной, чем в годы формирования русской эмигрантской общины «первой волны», внутриволновой и общественной ситуации в Марокко автор диссертации рассматривает отдельно друг от друга взаимоотношения русских с французами и марокканцами на уровне индивидуальных гуманитарных контактов.

Прибывшие в Марокко после второй мировой войны эмигранты не чувствовали себя равными французам, ощущали их доминирующее положение как «хозяев» этой страны. Психологические комплексы «беженцев», «перемещенных лиц», «коллаборационистов», с одной стороны, и стремление сохранить свою культурную самобытность, «русскость», оградить себя и своих детей от влияния французской культуры, с другой стороны, обусловили, на наш взгляд, выбор существенной частью эмигрантов второй волны стратегии пассивной автаркии,⁵⁰ что препятствовало её адаптации и, тем более, успешной интеграции в принимающее колониальное общество.

⁴⁷ Целая группа членов НТС обосновалась в 1950-е гг. в Марокко, которое стало важным центром деятельности Союза. Группы Марокканского отдела существовали в Касабланке, Рабате, Марракеше, Сафи. // От Минска до Касабланки: судьба офицера Оровайского полка Е.В. Каликина. // <http://kalikins.ru/Persons/persons13.htm>

⁴⁸ ОРИОР — Организация российских юных разведчиков — не политическая общественная скаутская организация, ставящая своей уставной целью общественное воспитание российских детей и молодежи в национальном и религиозном духе, основывающаяся на христианском миропонимании и приверженности к историческим ценностям русской культуры и государственности. Подробнее см.: Терзов, А.С.: История и идеология русских эмигрантских молодежных организаций на примере Национальной организации русских разведчиков (НОРР). // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2009. № 11 (15).

⁴⁹ Там же, с. 154.

⁵⁰ Стратегия пассивной автаркии реализуется в ситуациях, когда мигранты, оказавшись в новом окружении, стремятся избежать прямых контактов с чужой культурой и тем самым устранить негативные симптомы культурного шока. Следующие данной модели мигранты создают свой особый микромир, в котором

Весьма заметная часть эмигрантов второй волны вступала в тесный контакт с марокканцами, прежде всего, в силу своего существования в марокканской среде.⁵¹ Наиболее активным было русско-марокканское взаимодействие в процессе совместной экономической деятельности. Русские и марокканцы работали вместе на геодезических съемках, при разработке полезных ископаемых, строительстве и т.п. Русские врачи лечили марокканцев в госпиталях.⁵² В некоторых случаях наши соотечественники становились работодателями или непосредственными начальниками марокканского наемного персонала. Несмотря на общее утверждение *«арабы к нам относились всегда хорошо»* в повседневной жизни возникали конфликты, иногда с трагическим исходом, в основе которых лежали социокультурные различия двух сторон.

Для решения задач, поставленных в диссертации, важно выявить качество межличностных отношений, возникавших в ходе трудового процесса. Мемуары и материалы полевых исследований позволяют утверждать, что доброжелательное отношение марокканцев к русским сформировалось, в первую очередь, из-за отсутствия высокомерия со стороны последних, в результате стремления эмигрантов освоить местные наречия, как реакция на проявления свойственной русскому характеру широты души. По сути, это был отклик (зафиксированный повсеместно) на дружелюбие русских эмигрантов по отношению к марокканцам. В то же время обе контактирующие стороны отмечали определенные обычаи и особенности менталитета, сближавшие их.

На основании проведенного в первой главе анализа можно сделать ряд обобщений и выводов.

Русская эмиграция «первой» волны в Марокко проходила неравномерно в период с 1922 по 1940 гг. В ней следует выделить два основных этапа: 1922 — 1923 гг. и 1929 — 1933 гг. Перед Второй мировой войной в 1938 – 1939 гг. имел место еще один, правда, не столь многочисленный, всплеск эмиграции русских из Европы в Марокко. Эмигранты «второй» волны прибывали в эту страну в период с 1946 по 1950 гг.

География расселения русских эмигрантов на территории Марокко, особенно на начальном этапе, определялась прежде всего наличием рабочих мест, предоставленных администрацией протектората. Это были, в первую очередь, портовые и промышленные города.

присутствует исключительно «родная» этнокультурная среда, живут свои соотечественники.//Южанин, М.А.: О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу. //http://2008.isras.ru/files/File/Socis/2007-05/Yuzhanin.pdf

⁵¹ «Ну, конечно, мы соприкасались с арабами. Прежде всего, мы там жили. Мы там учились вместе с ними. Я могла ходить за покупками, обыкновенный такой разговор по-арабски я все-таки понимала. Арабы к нам относились всегда хорошо. У меня никогда никаких проблем с ними не было. Никогда. И друзья арабские были. В школе. Но мало – это не было принято».//Из интервью О.Майерановой Н.К.Крыловой. 2008 г. Париж. Не опубликовано.

⁵² Например, врач-акушер Микитюк. Работал в арабском госпитале в Касабланке. Внес 10 000 франков на строительство храма в Касабланке.//Архив Успенского храма за 1957 г., Касабланка. Фонд не описан. Не опубликовано.

Успех адаптации на новом месте и интеграции русских в колониальное европейское общество во многом зависел от исходного образования и профессиональных навыков эмигрантов. Большинство из них соответствовали специальностям, необходимым администрации французского протектората в Марокко для освоения и развития страны. Тем не менее, части эмигрантов пришлось поменять род деятельности, чтобы отвечать запросам местного рынка труда.

Как духовное, так и физическое выживание русских эмигрантов во многом обеспечивали их самостоятельно организованные структуры, в первую очередь, приходская община, а также воинские и гражданские общественные организации, не всегда официально оформленные, но от этого не менее социально значимые.

Вторая волна русской эмиграции ознаменовала собой новый этап, как в истории самой общины, так и в развитии русско-марокканских гуманитарных контактов. Иные, чем у представителей «первой» волны, социальные и профессиональные характеристики эмигрантов «второй» волны (именно выходцев из Советского Союза), определяли характер их занятости в экономике протектората и место в общественной структуре Марокко.

Русские эмигранты, прибывшие в Марокко после второй мировой войны, оказались в социальном плане дальше от европейской и ближе к марокканской части общества, в котором они были вынуждены адаптироваться. Это обстоятельство стало основой позитивного восприятия «русских» именно марокканцами, что, в свою очередь, создало предпосылки для доброжелательного приема марокканским обществом следующей волны эмиграции, начавшейся в середине 1960-х гг. и продолжающейся по сей день.

Одна из основных задач настоящего исследования — выявление фактов гуманитарных связей между представителями русской эмиграции первой и второй волн и марокканским населением — была решена в процессе изучения документальных свидетельств, подтверждающих многочисленные повседневные контакты «русских» с марокканцами, как в процессе военной колонизации страны, так и в мирное время. Необходимо подчеркнуть факт взаимного принятия русских и марокканцев в отведенных им социальных ролях. Четыре десятилетия гуманитарного и межкультурного взаимодействия русских и марокканцев создали надежный позитивный образ «русского» в широких слоях населения страны.

Во **второй главе** анализируются социально-политические и культурные условия формирования и существования современной русскоязычной общины.

С начала 1960-х гг. и до распада СССР в советских вузах, а также в средних специальных учебных заведениях, на различных курсах подготовки, повышения квалификации, учебно-производственных стажировках и т.д. обучалось в общей сложности более семи тысяч марокканцев. Такое же число студентов из Марокко получило высшее образование в России и странах СНГ

в 1992 – 2012 гг.⁵³ Вернувшись на родину с дипломом о высшем образовании, многие выпускники приехали с уже сложившимися семьями, не только с женами, но зачастую уже с детьми, родившимися в годы учебы. Эта специфическая группа соотечественников (преимущественно – соотечественниц) стала главным источником пополнения русскоязычной общины в Марокко.⁵⁴

Глава содержит пять параграфов, в каждом из которых затронуты важные аспекты поставленной проблемы. **Первый параграф** посвящен выявлению факторов, влияющих на процесс формирования современной русскоязычной общины в Марокко. Здесь же дается описание основных черт этой специфической социально-демографической группы, делается попытка выявить некоторые тенденции и закономерности, определяющие процессы социальной, культурной и бытовой адаптации русских женщин в условиях современной марокканской, и более широко – североафриканской действительности.

Мотивация смешанных российско-марокканских браков изучена во **втором параграфе**. Учитывая сложность этого аспекта исследования (и в плане сбора информации, и в контексте ее морально-этического осмысления), автор предпочел опираться, прежде всего, на личные многолетние наблюдения за репрезентативным количеством смешанных семей, как сложившихся на заре эпохи современной эмиграции в Марокко, так и появлявшихся в процессе мониторинга. При этом учитывались выводы российских социологов, изучавших поведенческие модели женщин-соотечественниц, пытавшихся вступить в смешанный брак, или совершивших этот шаг.

Анализ эмпирического материала позволил определить приоритетные мотивы вступления русских женщин в смешанный брак. Материалы полевых наблюдений за смешанными семьями, проведенных автором в течение семи лет, позволяют утверждать, что реальное разнообразие мотивов, побуждающих женщин к вступлению в смешанный брак, не поддается строгой классификации. Здесь же анализируются причины, побудившие уже сложившиеся в России смешанные семьи к переезду на родину мужа.

В **третьем параграфе** рассматриваются гендерные особенности российской эмиграции в Марокко. Проанализирована поведенческая специфика марокканцев, обусловленная историко-культурной традицией и во многих случаях способствующая успешной интеграции соотечественниц в принимающее общество. При этом уделено внимание восприятию этого общества самими россиянками. Для полноты картины проведен сравнительный анализ мотиваций наших соотечественниц и француженок при вступлении в брак с марокканцами и переезде на родину мужа. Здесь же продолжен анализ импульсов и мотивов, по которым наши соотечественницы

⁵³ Информация о марокканских студентах, почерпнутая из статистических справок МИД и Министерства образования СССР, к которым автор имел доступ по роду своей службы, позволяет выполнить достаточно корректный подсчет их численности за период с 1956 по 2012 г. ПМА, Рабат – Москва, 2008 – 2012 гг.

⁵⁴ Хронологические рамки современной волны эмиграции: середина 1960-х – настоящий момент.

вступают в брак с арабами или африканцами. В итоге рассматриваемый тип эмиграции россиян был отнесен к «эмиграции расширенных возможностей», поскольку именно социально-экономические факторы актуализируют их материальные потребности.

Дать представление о том, в какую страну и в какое общество прибывали и продолжают переселяться наши соотечественники, призваны аналитические материалы **четвертого параграфа** второй главы.

В первую очередь, было исследовано восприятие «русских» жителями Марокко, поскольку взаимное принятие или отторжение на уровне стереотипов и предрассудков принимающего общества подчас оказывают решающее влияние на индивидуальные судьбы наших соотечественниц. Далее освещен ряд аспектов, влияющих на восприятие образа «русского» и России в марокканском обществе в целом. Среди них история и день сегодняшний непосредственных гуманитарных контактов марокканцев с россиянами, российское культурное присутствие, плодотворное политическое и экономическое сотрудничество. Результаты анализа образа России и россиянина в Марокко позволяют говорить о позитивном в целом восприятии марокканцами понятий «русский» и «Россия».

Марокканское общество, в котором живут «русские» сегодня, было рассмотрено в контексте процессов социально-политической дестабилизации, получивших название «арабская весна». События «арабской весны», которые не обошли стороной и Марокко, проявили многие скрытые черты марокканского общества, позволили отчетливее понять, что представляет собой сегодня среда обитания наших соотечественников в этой стране.

Для понимания общества, в которое приходится интегрироваться соотечественникам, очень важно представлять психологию марокканца. Важным аспектом является арабо-мусульманский кодекс поведения по отношению к женщине и её социально-правовое положение в марокканском обществе, существенно отличающиеся от принятых в России. С другой стороны, соотечественницы в большинстве своем позитивно воспринимают мусульманские традиции, вошедшие в повседневную жизнь большой семьи, к которой принадлежат их мужья и, с определенного момента, они сами. Не вдаваясь в изучение основ ислама, они воспринимают их выполнение как ритуальную необходимость, определяющую ритм повседневной жизни в семье и в стране в целом. При этом марокканское общество в целом и его «ячейка» – традиционная семья – отличаются толерантностью в отношении вопросов, связанных и с переходом своих вновь приобретенных членов в ислам.

В **пятом параграфе** сделана попытка ответить на вопрос, кто они – марокканцы, с которыми уже полвека живут наши соотечественницы, за которых ежегодно выходят замуж всё новые россиянки, образуя смешанные семьи. Краткое исследование этнических, клановых, религиозных составляющих того, что называется марокканским обществом, готовит почву для анализа проблем, поставленных в третьей главе.

Разностороннее изучение процессов русско-марокканского «смешения» на современном этапе, выполненное во второй главе диссертации, приводит к выводу о том, что социально-экономические и политические изменения в российском обществе существенно расширили возможности контактов потенциальных создателей смешанной семьи. При этом данные, полученные в ходе исследования, свидетельствуют в том, что основную группу соотечественниц сегодня по-прежнему, как и 60 лет назад, формируют представительницы славянской группы.

Материалы многолетних авторских наблюдений за смешанными семьями, позволяют утверждать, что наиболее распространенным мотивом эмиграции из СССР/России в Марокко в рассматриваемый период являются взаимные чувства. За более чем полвека изменились, стали разнообразнее и пути, которыми россиянки знакомятся с марокканцами и выходят за них замуж, а также причины переезда уже сложившихся в России семей в Марокко.

Анализ современной ситуации в Марокко позволяет утверждать, что в этой стране на протяжении десятилетий существуют макросоциальные факторы,⁵⁵ формирующие относительно комфортную для мигрантов из СССР/России адаптивную среду, которые способствуют избранию наиболее предпочтительной и успешной адаптационной стратегии — интеграции.

Исследование индивидуально-личностных характеристик представителей обеих сторон, участвующих в процессе, позволяет сделать вывод о том, что выходцы из СССР/России обладают набором качеств и навыков, обеспечивающих в большинстве случаев их органичное вхождение в принимающее общество, прежде всего, на микросоциальном уровне. В свою очередь, марокканское общество открыто для иммигрантов из России. Последнее обстоятельство определяется как их антропологической привлекательностью для марокканцев, так и опытом российско-марокканских гуманитарных контактов на протяжении всего периода новейшей истории.

В третьей главе рассматриваются процессы адаптации и интеграции соотечественников, одновременно – их роль в принимающем обществе, исследуется специфика социально-правового статуса выходцев из России как иностранных граждан, постоянно проживающих в Марокко. Также

⁵⁵ Макросоциальные факторы адаптивной среды: 1) политическая и социально-экономическая ситуация в принимающей стране и в мире; 2) характер иммиграционной и этнонациональной политики властей; 3) правовой статус мигрантов; 4) наличие (или отсутствие) общественных организаций и объединений соотечественников (землячеств, национально-культурных автономий, ассоциаций и т.п.), масштабы их деятельности; 5) уровень коррупции и преступности и др. // Южанин М.А., О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу, <http://2008.isras.ru/files/File/Socis/2007-05/Yuzhanin.pdf>.

рассматривается комплекс вопросов, связанных с процессом институционализации в среде наших соотечественников, их формальными и неформальными связями, как внутри организации, так и с внешним миром, в частности, с марокканскими и российскими властями. Прослежена взаимосвязь между степенью адаптации и интеграции мигранта из России в принимающем марокканском обществе, с одной стороны, и уровнем и качеством гуманитарных связей, интенсивностью и преобладающей модальностью (положительной или отрицательной) межкультурного взаимодействия, с другой.

Поставленные в третьей главе цели и задачи определили её структуру — глава разбита на **четыре параграфа**, в которых изложены результаты исследований следующих вопросов: юридический статус россиян в Марокко, состав русскоязычного сообщества в этой стране и его динамика за последние 50 лет, проблемы самоорганизации соотечественниц и сохранения русского языка и культуры у детей из смешанных семей, взаимоотношения соотечественников и российского государства.

На всем протяжении рассматриваемого периода (с середины 1960-х гг. до наших дней) взаимное восприятие «русских» и марокканцев, сосуществующих в рамках одного общества, претерпело определенные изменения. За прошедшие полвека произошли кардинальные социально-экономические изменения, как в Марокко, так и на пространстве бывшего СССР. Соответственно менялся социальный состав и марокканских студентов и их жен из СССР/России. Важную роль сыграли изменения в географии мест обучения марокканцев в советский и постсоветский периоды, повлиявшие в итоге на социальные и культурно-образовательные характеристики соотечественниц, переселившихся в Марокко вместе со своими мужьями-выпускниками. Автор полагает, что усложнение процессов адаптации «русских жен» в Марокко по сравнению с 1960 — 1970-ми гг. во многом связано с глобальными и локальными политическими и социально-экономическими изменениями современной эпохи в целом. Упомянутые факторы продолжают оказывать влияние на эволюцию российско-марокканских гуманитарных контактов. Сегодня можно с уверенностью говорить, что наши соотечественники «встали на ноги» в организационном плане, заслужили положительную репутацию в принимающем обществе, внося свой вклад в практику российско-марокканского межкультурного взаимодействия. Важно отметить возрождение в последние годы православной общины, которая выполняя организационную и компенсаторно-психологическую функции для прихожан, повышает одновременно самим фактом активной религиозной жизни авторитет «русских» в мусульманском обществе Марокко. В качестве благоприятного адаптационного фактора можно рассматривать правовую защищенность наших соотечественников, постоянно проживающих в стране. Положительную роль играет также

юридическая, моральная и материальная помощь со стороны российского государства. Для понимания проблем физиологической адаптации соотечественников к жизни в Марокко было немаловажно проследить географию их расселения по стране. Выявлено, что климатический фактор во многом определяет локализацию их «проникновения» в Марокко. Подробному анализу подвергнуто влияние русского языка на развитие российско-марокканского межкультурного взаимодействия.

На основании проведенного в рамках диссертационной работы исследования были достигнуты основные цели и получены научные результаты, обобщенные в **Заключении**. Первые русско-марокканские гуманитарные контакты состоялись в последней четверти XVII в. и продолжались с разной степенью интенсивности вплоть до начала XX в. Собственно русская диаспора начала складываться с появлением в Марокко представителей «первой» волны эмигрантов из России. Этот процесс проходил неравномерно, в несколько этапов, в период с 1922 по 1940 гг. География расселения русских эмигрантов на территории Марокко определялась потребностями экономического развития протектората.

Составленная автором картина половозрастного, социального и профессионального состава русской общины «первой» волны позволила сделать вывод о том, что успех адаптации на новом месте во многом зависел от стартового образования и профессиональных навыков эмигрантов. Можно утверждать, что эмигранты из России смогли в большинстве своем адаптироваться к жизни в Марокко и в разной степени интегрироваться в европейское общество протектората первой половины XX века. В то же время, при общем стремлении сохранить собственную культурную самобытность зафиксированы отдельные случаи культурной ассимиляции в принимающем обществе. Способность к самоорганизации ради выживания и сохранения своей культурной и духовной целостности стала основой русской диаспоры, представлявшей из себя многонациональное сообщество, объединенное идеей сохранения русскости и организационно сплоченное Русской Православной Церковью.

Вторая волна русской эмиграции ознаменовала новый этап в истории самой общины и шире – русско-марокканских гуманитарных контактов. Численно преобладая над первыми «русскими марокканцами», проживавшими в стране к 1947 г., представители «второй» волны не смогли приобрести значительного веса в делах общины. Вторая волна эмиграции в Марокко была весьма разнородной по своему составу. В нее входили, и представители первой волны, осевшие ранее в странах Восточной и Южной Европы, и беженцы с оккупированных территорий СССР, устремившиеся по окончании войны общим потоком в страны северной Африки, в том числе в Марокко.

Отличаясь по своим социально-профессиональным характеристикам от эмигрантов «первой» волны, представители «второй» волны были в основной своей массе людьми со средним образованием, без квалификации, что определяло характер их занятости в экономике протектората. «Вторая» волна была скорее народной, чем элитарной, как «первая», эмиграцией, что, по мнению диссертанта, и обусловило её место в общественной структуре Марокко. Очевидно, что позиция этого контингента в социальной структуре принимающего общества определила и его роль в гуманитарных и межкультурных связях между Марокко и Россией. Русские эмигранты, прибывшие в Марокко после второй мировой войны, оказались в социальном плане дальше от европейской и существенно ближе к марокканской части того общества, в котором они находились. Последнее обстоятельство во многом легло в основу общего позитивного восприятия «русских» коренными марокканцами, что, в свою очередь, обеспечило доброжелательный прием новой волне эмиграции, начавшейся в середине 1960-х гг. и продолжающейся по сей день.

Задача по выявлению фактов гуманитарных связей и межкультурного диалога между представителями русской эмиграции первой и второй волн и марокканским населением была решена во многом с помощью изучения документальных свидетельств, подтверждающих многочисленные повседневные контакты «русских» с марокканцами на протяжении первой половины XX столетия. Было установлено, что «русские» находились в постоянных взаимоотношениях с «арабами». Необходимо подчеркнуть взаимное принятие русских и марокканцев в границах отведенных им социальных ролей. Наиболее тесные гуманитарные связи с местным населением поддерживали специалисты, занятые формированием инфраструктуры страны. Повседневное общение, освоение чужого языка неизбежно способствовали налаживанию межкультурных контактов.

Важно отметить использование эмигрантами из России двух стратегий адаптации в Марокко. Наряду со стратегией интеграции, присущей в наибольшей степени представителям «первой» волны, существенная часть эмигрантов «второй» волны выбирала стратегию пассивной автаркии, дабы оградить себя и своих детей от влияния доминировавшей здесь в тот исторический период французской культуры.

Четыре десятилетия гуманитарного и межкультурного взаимодействия русских и марокканцев сформировали положительный образ «русского» в широких слоях населения страны. Распространению этого имиджа способствовали сохранившиеся до наших дней в Марокко традиционные для восточного общества формы передачи информации.

Особенностью русско-марокканских гуманитарных контактов в первой половине XX в. является то обстоятельство, что они возникли в условиях французского протектората в Марокко. Русская община сформировалась в этой стране благодаря потребности французской администрации в

специалистах, готовых работать и жить в условиях Северной Африки. Поскольку в период с 1917 по 1956 гг. между двумя странами отсутствовали политические и экономические отношения, гуманитарные связи играли доминирующую роль. При этом основой для межкультурного взаимодействия России и Марокко в этот период была вынужденная (и постоянная, и временная) эмиграция из России. На протяжении 1960 — 1980-х гг. происходили контакты между оставшимися в Марокко представителями «старой» русской эмиграции и новым типом русской эмиграции — женами марокканцев, окончивших советские вузы. Изучение процессов русско-марокканского «смешения» на современном этапе указывает на то, что основную часть соотечественниц, осевших в Марокко в течение последних 60 лет, формируют представительницы славянской группы населения России.

Многолетние полевые наблюдения за смешанными семьями позволяют утверждать, что одним из сильнейших факторов эмиграции является нынешнее социальное и экономическое состояние России. И в целом надежды эмигрантов из СССР/России на лучшую жизнь в современном Марокко воплощаются в жизнь. При этом личные мотивы переезда мигрантов из СССР/России в Марокко и их жизненные планы напрямую влияют на степень их интеграции в принимающем обществе.

С другой стороны, совокупность исследованных социально-политических явлений и фактов позволяет утверждать, что в Марокко на протяжении десятилетий существует ряд макросоциальных факторов, формирующих достаточно комфортную для иммигрантов из СССР/России адаптивную среду, способствующую выбору наиболее предпочтительной и успешной стратегии — интеграции. В работе был проанализирован и такой важный адаптационный фактор, как правовая защищенность эмигрантов. Если в эпоху протектората «русские» находились под покровительством французской администрации и международных организаций, то в наши дни положительную роль играет юридическая, моральная и материальная помощь соотечественникам со стороны российского государства.

Сравнивая уровень межкультурного взаимодействия и результаты гуманитарных контактов между соотечественниками и марокканским обществом в наши дни с опытом первых двух волн эмиграции, вновь находим подтверждение тому, что их успех (или неуспех) во многом зависит от индивидуально-личностных характеристик представителей обеих сторон, участвующих в процессе. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что выходцы из СССР/России в целом обладают набором качеств и навыков, обеспечивающих в большинстве случаев их органичное вхождение в принимающее общество, прежде всего, на микросоциальном уровне.

Результаты изучения «третьей» волны российской эмиграции в Марокко (с середины 1960-х гг. до наших дней), дают основание констатировать существование добровольной постоянной эмиграции из России в Марокко,

которая обеспечивает всеобъемлющий характер двусторонних гуманитарных связей.

На всем протяжении рассматриваемого периода взаимное восприятие «русских» и марокканцев эволюционировало на фоне кардинальных социально-экономических изменений, произошедших как в Марокко, так и на пространстве бывшего СССР. Комплекс глобальных и локальных факторов влиял и продолжает оказывать воздействие на развитие российско-марокканских гуманитарных контактов.

Наши современники-соотечественники, как и их предшественники в первой половине XX в., всегда стремились к созданию организационных структур, вносили и продолжают вносить своей деятельностью заметный вклад в практику российско-марокканского межкультурного взаимодействия, что, в свою очередь, формирует их положительную репутацию в принимающем обществе. Возрождение в последние годы православной общины также повышает авторитет «русских» в мусульманском обществе Марокко.

Важным аспектом российско-марокканского межкультурного взаимодействия были и остаются русский язык и культура. Эмигранты первых двух волн стремились сохранить родной язык, в первую очередь, у своих детей. При этом на русском языке начинали говорить марокканцы, находившиеся в постоянном контакте с русскими: слуги, рабочие, солдаты. Сегодня русский язык является едва ли не главным средством общения в марокканских смешанных семьях. На фоне билингвизма (а также владения тремя и более языками) у детей из русско-марокканских семей сохранение русского языка стало стимулом для появления в 2000-е гг. новых общественных организаций соотечественников.

Существование русско-марокканских гуманитарных связей на протяжении столетия имеет большое значение, в первую очередь, для нашей страны. Общаясь с эмигрантами из России, марокканцы отмечали отсутствие у них колонизаторского высокомерия, присущего другим европейцам. Это объективно способствовало формированию положительного образа россиян, который заложил благоприятную основу для политических, экономических и культурных отношений, успешно развивающихся между двумя странами и сегодня.

Таким образом, в данной работе были комплексно изучены процессы формирования русской общины в Марокко в исторической динамике, её основные составляющие, проблемы адаптации и интеграции эмигрантов из России/СССР, возникновение и деятельность их организационных структур, их роль в развитии гуманитарных связей России и Марокко в соответствии с существующей классификацией. Был исследован процесс социальной адаптации членов российской общины в марокканском обществе во всем его многообразии на протяжении столетия, выявлены роль и место эмиграции из России в Марокко в межкультурном взаимодействии двух стран и народов.

Вместе с тем, проблематика, связанная с историей русских в Марокко, требует дальнейшего изучения. В распоряжении диссертанта находится большой массив архивных документов, проливающих свет на разнообразные аспекты существования русской общины в первой половине XX в. Современное русскоязычное сообщество продолжает эволюционировать в рамках марокканского социума и также требует постоянного мониторинга и анализа. Продолжение исследований по данной тематике имеет, по нашему мнению, большое научно-практическое значение.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

I. Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ для публикации результатов диссертационных исследований.

1. «Русские» марокканки.// Азия и Африка сегодня. 2010 г. № 12. стр. 43-46;
2. Учить и учиться быть русскими.// Азия и Африка сегодня. 2012. № 3. С. 53 – 55 (в соавторстве с Крыловой Н.Л.);
3. Русский язык в Марокко: проблемы изучения. // Азия и Африка сегодня. 2013. № 7. С. 57 – 64;

II. Статьи, опубликованные в иных изданиях.

4. Из России в Марокко с женой и дипломом (взгляд практика).//Африканцы в России: образование, брак, судьба. Сборник статей. Москва. 2009 г. стр. 105 – 111;
5. Соотечественницы в Марокко: штрихи к портрету.//Африка: гендерное измерение. Москва. 2010. С. 239 - 247;
6. Учитель и Ученик в «русской» Африке.//Русский век. 2011, № 8. С. 70-71 (в соавторстве с Крыловой Н.Л.);
7. Король начинает и выигрывает.//Эксперт. 30 июля — 12 августа 2012. № 30-31 (813), с. 42-45;
8. «Запоздалая весна» в Мавритании, «Политическая весна» в Марокко. //Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны. Сборник статей. Москва. 2012 г. С. 229 – 266;
9. Проблема сохранения и институционализации русского языка на примере русской диаспоры в Марокко.//Российская диаспора в странах Востока: история и современность. Владивосток. 2013. С. 172 – 180;
10. Соотечественники в арабских странах и православие (на примере Марокко).//Мир Востока и мир Запада: проблемы и перспективы. Сборник научных статей и материалов Международной молодежной научно-практической конференции 21 – 23 марта 2013 г. Уфа. 2013. С. 241 – 244.